

Брианна Борн

ВСТРЕТИМСЯ В ПОЛНОЧЬ

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б82

Художественное оформление *А. Кроник*

Иллюстрация на обложке *eudjn*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:
© paw, Natalia Nosova / Shutterstock.com / FOTODOM
Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Copyright © 2025 Brianna Bourne
This edition published by arrangement with Madeleine Milburn
Ltd and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Т. Косоруковой*

Б82 Борн, Брианна.
Встретимся в полночь / Брианна Борн ; [перевод
с английского Т. Косоруковой]. – Москва : Эксмо,
2025. – 352 с.

ISBN 978-5-04-222059-3

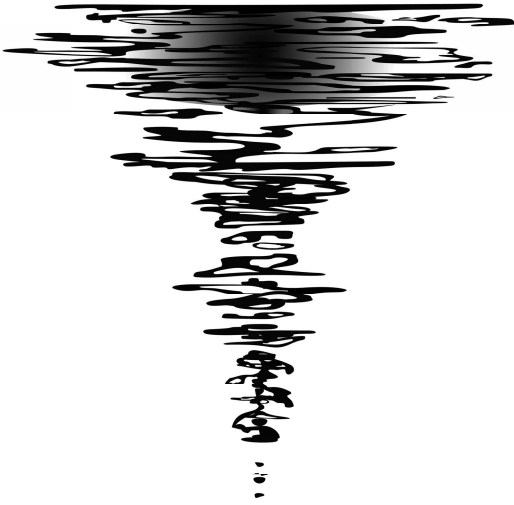
Каждую полночь Ария засыпает и оказывается в необыч-
ном месте. На лунной тропе у водопада в тени величественных
секвой, в живописном итальянском городке. И отчего-то рядом
все время оказывается раздражающе высокомерный, но симпа-
тичный парень по имени Страт. Ария не может избавиться от
ощущения, что знает его.

Пока она ищет ответы, в памяти Арии всплывают отрывоч-
ные воспоминания о времени, когда она была счастлива и влюб-
лена. Но почему эти воспоминания стерты... Чтобы выяснить,
какая неизвестная сила сводит Страта и Арию каждую ночь, они
договариваются встретится в реальности... Но как отыскать того,
кого видела лишь во сне?..

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© Косорукова Т., перевод на русский
язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-222059-3

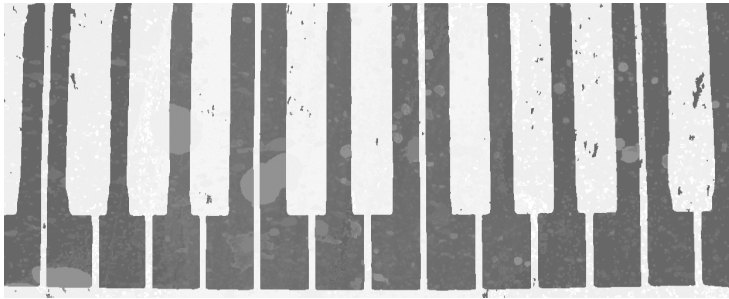
Эрос, не колеблясь, скажет: «Лучше это, чем расставание. Лучше быть несчастным с ней, чем счастливым без нее. Пусть наши сердца разобьются, если они разобьются вместе. Если внутренний голос не говорит этого, значит, это не голос Эроса. В этом величие и ужас любви».

К. С. Льюис

И я просыпаюсь с воспоминаниями о тебе.
Они овладевают мной.
Вот то наследие,
Которое я оставляю.

Тейлор Свифт, «Бордо»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первая полночь

Когда это случилось в первый раз, я проснулась в тусклом голубоватом сиянии, густой туман клубился над землей, словно дым.

Я вскочила, широко раскрыв глаза и озираясь в полутьме. Пытаясь понять, что я вижу. Я точно засыпала в своей постели, в своем доме. Но теперь я...

...Где?

Спальня, которую я делю со своей сестрой-близнецом Кади, исчезла — меня окружал лес высоких, будто неземных деревьев.

Секвойи. Их вид вызывает у меня воспоминания о школьных походах: ланчбоксы и ходьба парами, вереница желтых автобусов на дороге к подножию Сьерра-Невады. В пятнадцати минутах езды от моего города растут такие же гигантские секвойи, так что, возможно, я просто дошла до них во сне. Но я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь прошел во сне больше мили.

Я поднимаюсь на нетвердых ногах и с опаской оглядываюсь. Заораживающий фиолетово-голубой свет

будто шепчет мне, что это не обычный лес, не обычная ночь.

Я смотрю на свои часы — жемчужный циферблат на изящном золотом браслете, — которые перешли мне от бабушки. Минутная и часовая стрелки указывают на двенадцать. Ровно полночь.

У своих ног я замечаю ленту красноватой грязи, бегущей вглубь леса. Тропинка. Это похоже на приглашение, и я шагаю вперед.

Мир в этой искаженной реальности стал будто кукольным домиком, и я, уменьшенная версия самой себя, бреду между секвойями. Наверное, я должна испытывать беспокойство, ведь лес ночью — совсем не безопасное место, но страх кажется чем-то далеким и невозможным.

Я сплю? Мне так не кажется: мои сны обычно бессвязны и бессмысленны и почти всегда превращаются в кошмар, отражающий мой самый глубокий, давний страх — столкнуться с чем-то новым в одиночку, без моей сестры-близнеца.

Но этот лес, эта ночь... Они ярче, чем любой сон, который я когда-либо видела. Я чувствую запах мшистой коры, свежесть листвы над головой. Пальцами босых ног могу зачерпнуть мягкую, как пудра, грязь, ощущаю ее коричневую прохладу.

В моей груди, в том месте, которое, как мне казалось, давно опустело, что-то шевельнулось. Пульс в вене на шее учащенно выстукивает одну мысль: *прекрасно, прекрасно, прекрасно.*

Всю свою жизнь я была мечтателем. В моем детстве мамыны подруги шептались обо мне: «*О, она не от мира сего!*» или «*Боже, снова витает в облаках!*» Учительница с кислым лицом, которая была у меня во втором классе, называла меня «лунатиком», а моя дорогая бабушка —

«мечтательницей с космическими глазами», до последнего своего дня. Я не обращала внимания на перешептывания. Мне нравилось быть фантазеркой. В моем воображении мир был гораздо прекраснее, мне нравилось ускользать в параллельные миры. Там все было проще, чем в реальной жизни.

И мне просто *здесь*.

Я спускаюсь по склону, деревья начинают редеть. Если это те же самые секвойи, которые я видела в походах, то я скоро выйду в долину, которая ведет к моему родному городу. Люди обычно представляют пляжи и доски для серфинга, когда речь заходит о Калифорнии, но я живу на восточной окраине Центральной долины, где растут густые леса, а склоны гор усеяны бревенчатыми хижинами и домиками для отдыха.

Но вместо того чтобы перейти в долину, лес внезапно открывает передо мной широкую пустую поляну. Секвойи здесь стоят как часовые, образуя почти идеальный круг и открывая небо, в котором сияет необычайно яркая синефиолетовая луна.

Когда я бросаю взгляд на центр поляны, ночь словно запинаятся.

Рояль.

Целую минуту я смотрю на него, потрясенная настолько, что не могу шевельнуться.

А затем медленно, словно рояль — это существо, которое может испугаться, я выхожу на поляну.

Лунный свет падает на него будто призрачный свет прожектора.

Поверхность инструмента влажная, он покрыт пучками изумрудного мха и кружевами лишайника. Клавиши желтоватые и местами сломаны, будто зубы. Я осторожно прикасаюсь к одной из них. Среднее «до», думаю я, вспо-

миная уроки игры на фортепиано, на которые я недолго ходила в десять лет. Я нажимаю на клавишу, но звука нет.

Я заглядываю под приподнятую крышку и обнаруживаю миниатюрный мир на мху, выросшем прямо на струнах. Пологие холмы, блестящие панцири июньских жучков. И цветы: прострел и черемуха, можжевельник и мальва. Я знаю их названия так же хорошо, как названия всех тканей, которые когда-либо пропускала через швейную машинку: шифон, органза, бумазея.

Когда я провожу кончиками пальцев по бархатистым лепесткам ближайшего цветка, на моем лице расплывается улыбка. Впервые за три месяца я могу дышать свободно, не ощущая на груди давящего груза суровой реальности

Моя улыбка гаснет. При одной мысли об этом горечь снова ложится мне на грудь, выдавливая из нее воздух, напоминая мне о жизни за пределами этого сна: выбеленные больничные коридоры и унылые сообщения врачей, ярко-красные цифры на медицинской карте, приглушенные голоса спорящих родителей.

Реальная жизнь — это едва различимое, но все же бряцание череды разрушений.

Я бы хотела быть человеком, который может справиться со всем этим, но я никогда не была сильной. Такой, как Кади. Я сую руку в карман платья и нащупываю двойное пенни, которое всегда ношу с собой. Две спаянные бок о бок монетки. Такие же необычные, как два желтка в одном яйце. Мой папа всегда хотел продать эту двойную монету — он говорит, что за нее можно выручить сотни, а то и тысячи долларов на рынке коллекционеров. Но мы с Кади нашли ее на набережной Санта-Круз, когда нам было восемь, и с тех пор по очереди носим с собой. Я достаю пенни, потирая блестящую медь большим пальцем.

Кадм.

У меня перехватывает дыхание, и я заставляю себя сосредоточиться на лунном свете, на деревьях, на рояле. Я не там. Я здесь.

Туман окутывает мои лодыжки, и тяжесть снова отступает, сменяясь такой глубокой тишиной, что я почти плачу. Чем бы ни была эта ночь, мне в ней нравится. Она... не доставляет беспокойства.

— Спасибо, — шепчу я, роняя в карман двойную монетку, и кладу руку на покрытый мхом рояль. Это великолепное, нетребовательное спокойствие... Мне это нужно. Я всегда хотела сбежать, и это место может стать для меня желанным пристанищем. Мой лес, моя поляна. Ничто и никто не напоминает мне здесь о реальности.

Я снова пробегаю пальцами по молчащим клавишам. Если бы мне приснилось это место три месяца назад, я бы с широко раскрытыми глазами и детской беззаботностью помчалась на поляну, впитывая волшебство и позволяя ей вдохновить вереницу моих будущих снов.

Я начинаю медленно кружиться, запрокинув голову. Может быть, я смогу снова стать той девушкой, хотя бы ненадолго — перед тем, как проснусь.

Звук чего-то, продирающегося сквозь заросли, заставляет мое сердце биться быстрее. Я оступаю, но не успеваю убежать, спрятаться или схватить палку, чтобы взмахнуть ею, как мечом...

...На поляну выбегает человек.

Он резко останавливается, когда замечает меня, и в его глазах вспыхивает удивление. На мгновение мы замираем, будто два человека, оказавшиеся в тупике в лесу, оба не можем вымолвить ни слова.

Мое сердце подскакивает к горлу. Потому что этот человек — этот *парень*...

Он воплощает в себе все, о чем только могло мечтать мое потерявшее надежду романтическое сердце.

В голубом свете он будто вытесан из чего-то более твердого и ценного, чем плоть. Это особый камень — кварцит или мрамор. Все предметы в этой ночи кажутся мягкими, но парень словно врезан в высоком разрешении. У него благородный, почти надменный орлиный нос древнеримского профиля. Он медленно моргает — у него большие, ясные глаза — и кажется, словно император сошел со страниц книги и надел джинсы. Суровое достоинство смягчает только беспорядочная, игривая мягкость его волос.

Мое сердце подскакивает к горлу. *Бежать, бежать, бежать.*

Он с непринужденной уверенностью делает шаг навстречу мне.

Что-то в его неторопливой походке напоминает мне о королевской семье Восточного побережья: лето в Хэмптоне, трастовые фонды и парни, хлопающие друг друга по спине после увлекательной игры в поло. Может быть, дело в ярком темно-синем блейзере с рукавами, закатанными до середины предплечий, или в массивных блестящих часах на запястье — такие часы рекламируют в журналах на борту самолета. Лесу словно требуется перевести дыхание, перед тем как обернуться вокруг него.

Я делаю шаг вперед, голова кружится от предвкушения.

Моя нога цепляется за что-то — какой-то узловатый корень. Клянусь, секунду назад его там не было. Я наклоняюсь, размахивая руками, чтобы сохранить равновесие, но это бесполезно. Я распластываюсь на земле, ободрав колени и ладони.

Моя фантазия рушится со звуком, с которым заедает пластинка. Я закрываю глаза. *Нет, нет, нет.* Мое тело съезживается до точки. Не знаю, почему я так удивлена: я

безнадежный романтик, и мой опыт общения с парнями ужасен.

Просто я надеялась, что хотя бы во сне я буду более спокойной. Боль от несправедливости острее, чем от саднящих коленок.

Парень наклоняется, чтобы помочь мне подняться; тяжелые, дорогие на вид часы на его запястье поблескивают в фиолетовом свете луны. Наверное, он спрашивает, все ли со мной в порядке, но у меня шумит в ушах от смущения.

Мне требуется вся моя храбрость, чтобы поднять подбородок и встретиться с ним взглядом.

За его спиной освещение меняется — ярко-фиолетовый переходит в более серый, ровный оттенок. Туман отступает, потревоженный его шагами. Поляна вокруг нас стала чуть менее красивой, чем раньше.

Он сует руки в карманы и смотрит на меня сверху вниз. На его лице расплывается мальчишеская, обезоруживающая улыбка.

— Что ж, — говорит он, — мой сон стал еще интереснее. Я ощетиливаюсь. Его сон?

Нет.

Это мой сон.

Боже, что за фраза. «*Мой сон стал еще интереснее?*»

— Ты, похоже, шутишь, — бормочу я, закатывая глаза. Левый уголок его рта приподнимается, в глазах загораются веселые искорки.

— Неожиданно.

Во мне вспыхивает раздражение, которое тут же разгорается, когда взгляд парня пробегает по мне — от спутанных волос до босых ног.

На мне кружевное белое платье, в котором я ходила сегодня в школу, только теперь перепачканное грязью, и я уверена, что из волос у меня торчат ветки. По сравнению